

Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 57–65
Speech Genres, 2021, no. 1 (29), pp. 57–65

Научная статья
УДК 811.161.1'42+811.111(73)'42+929[Путин+Обама]
<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-57-65>

Нарушение принципа кооперации как проявление жанра «коммуникативный саботаж»

Т. С. Боц

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Боц Татьяна Сергеевна, старший преподаватель кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, tatyana.bots@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7062-0158>

Аннотация. Статья посвящена изучению жанра коммуникативного саботажа как одного из способов реакции на критику в ответных репликах президентов России и США, В. В. Путина и Б. Обамы. Внутрижанровые тактики коммуникативного саботажа рассматриваются в соотношении с принципами кооперации Г. П. Грайса. Оба подхода воспринимаются как комплементарные по отношению друг к другу, что позволяет получить целостное восприятие отступлений от эталонных норм межличностного общения. Принадлежность коммуникативного саботажа к не прямой коммуникации отражает специфику президентского дискурса, которая заключается в необходимости уклонения от неудобных тем и вуалирования информации в рамках публичного общения с представителями СМИ. Роль коммуникативного саботажа в решении прагматических задач коммуникации президента, таких как борьба за власть, позволяет отнести его к агональным жанрам.

Ключевые слова: коммуникативный саботаж, агональный речевой жанр, принцип кооперации, президентский дискурс

Для цитирования: Боц Т. С. Нарушение принципа кооперации как проявление жанра «коммуникативный саботаж» // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 57–65. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-57-65>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-57-65>

Violation of the cooperative principle as the manifestation of “communicative sabotage” speech genre

Tatyana S. Bots, tatyana.bots@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7062-0158>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article studies the “communicative sabotage” speech genre as a possible way of reacting to criticism in the response utterances of the presidents of Russia and the USA, V. V. Putin and B. Obama. The internal genre tactics of communicative sabotage are considered in relation to Grice’s Cooperative Principles. Both approaches are perceived as complementary in relation to each other, which allows to get a holistic perception of deviations from norms of interpersonal communication. The fact that communicative sabotage belongs to indirect communication reflects the specifics of the presidential discourse, which consists in the need to avoid inconvenient topics and to veil information in public communication with journalists. The role of communicative sabotage in solving pragmatic tasks of the president’s communication, such as the struggle for power, allows to attribute it to agonal speech genres.

Keywords: communicative sabotage, agonal speech genre, cooperative principle, presidential discourse

For citation: Bots T. S. Violation of the cooperative principle as the manifestation of “communicative sabotage” speech genre. *Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 57–65 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-57-65>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Нормы речевой коммуникации и соблюдение постулатов принципа кооперации Г. П. Грайса в построении успешного диалога становились объектом исследования многих лингвистов (В. З. Демьянков, И. А. Стернин, И. П. Сусов, Т. А. van Dijk, G. Leech, W. Turnbull и др.). В фокусе внимания других ученых (например, О. С. Иссерс, Е. В. Падучева, Е. О. Keenan, G. Lakoff, G. Senft) оказывается прагматический аспект нарушения этих постулатов и возникновение в речи новых имплицитных смыслов, или, по Г. П. Грайсу, коммуникативных имплицатур.

Как известно, в основе принципа кооперации лежит идея о том, что на каждом этапе диалога участники должны совершать коммуникативный вклад, соответствующий выбранной цели этого диалога. Для выполнения принципа кооперации необходимо руководствоваться конкретными постулатами (максимами). Г. П. Грайс разделяет постулаты на четыре категории по аналогии с кантовскими категориями рассудка, а именно: категории количества, качества, отношения и способа. Напомним содержание этих постулатов:

- 1) категория количества определяет объем передаваемой информации. Согласно постулатам, входящим в данную категорию, высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется для достижения цели диалога;
- 2) категория качества объединяет два постулата истинности, которые гласят, что высказывание не должно содержать ложной информации либо фактов без достаточных доказательств;
- 3) категория отношения включает лишь один постулат релевантности. Сам Г. П. Грайс испытывал затруднения в объяснении действия этого постулата на практике, а именно: при каких обстоятельствах «отклонение от темы» допустимо и какие типы релевантности возможно выделить;
- 4) категория способа указывает на то, как нужно формулировать свои мысли, чтобы выражаться ясно и быть понятным собеседнику. Сюда относятся постулаты о краткости, организованности, необходимости избегать неоднозначных и непонятных выражений.

Постулаты принципа кооперации были сформулированы с той позиции, что цель участников общения – максимально полный и эффективный обмен информацией. Однако, по признанию самого Г. П. Грайса, это слишком узкое определение. Приведенный комплекс постулатов, по мнению ученого, необходимо привести к общему виду, чтобы его можно было применить к различным целям, например, оказанию влияния или

управлению действиями людей [1: 45–47; 2: 222–224].

Иными словами, уже сам Г. П. Грайс понимал, что эти постулаты действуют не во всех ситуациях общения, а только при равенстве интересов собеседников. Некооперативная стратегия речевого поведения позднее была названа «коммуникативным саботажем».

Одно из наиболее ранних упоминаний коммуникативного саботажа в отечественной лингвистике находим в работе Т. М. Николаевой (1990). Примечательно, что, опубликованная в тематическом выпуске «Логический анализ языка», статья называется «Противоречивость и аномальность текста». Полагаем, что три десятилетия назад в лингвистике главенствовал такой подход в оценке эффективности коммуникации, когда в фокусе внимания исследователей оказывалась конвенциональность речевого поведения, отклонения от эталона считались речевой аномалией. Однако сам автор отмечает, что жесткое следование этим нормам «иллюзорно», а отклонения от них являются более естественными и реалистичными, чем «оптимистические предположения» принципа кооперации [3: 25]. Обращаясь к прагматическому аспекту явления, исследователь говорит о коммуникативном саботаже как о коммуникативной установке, направленной на «срыв идеально прозрачного обмена информацией в беседе» [3: 26]. Ученый выделяет четыре вида саботажа:

- 1) навязывание коммуниканту своего мнения об обсуждаемой ситуации,
- 2) нежелание дать ожидаемый ответ на вопрос,
- 3) стремление уйти от ремо-предикативного аспекта беседы (от обмена новой, характеризующей информацией, информацией мысли, а не факта),
- 4) желание задеть, обидеть собеседника [3: 26].

В исследовании В. Ю. Андреевой (Скобликовой) проявления некооперативной стратегии речевого поведения объединены и представлены как речевой жанр коммуникативного саботажа [4]. Коммуникативный саботаж понимается ученым как «реактивный жанр, выражающий скрытое противодействие говорящего, представляющий собой имплицитный отказ ответить на вопрос собеседника, выраженный в форме отказа от ответа, уклонения от ответа или смене темы обсуждения» [4: 31].

Таким образом, коммуникативный саботаж носит неявный характер и для его обнаружения требуется оценить «элементы речевой ситуации» [5: 51]: особенности изучаемого дискурса, контекста, социальные роли говорящих, «фактор адресата» [6], а также их лингвокультурную принадлежность. В этой связи мы счи-

таем возможным отнести коммуникативный саботаж (далее – КС) к жанрам непрямо́й коммуникации. Вслед за В. В. Дементьевым под непрямо́й коммуникацией мы понимаем «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [7: 3].

В рамках нашего исследования объектом изучения выступают способы и средства реагирования на критику в речи президентов России В. В. Путина и США Б. Обамы, выявленные в результате анализа стенограмм и аудиозаписей ежегодных итоговых пресс-конференций за период с 2012 по 2016 гг. За единицу исследования принято диалогическое единство, состоящее из вопроса, содержащего отрицательно-оценочное высказывание (реплика-стимул) и ответа президента (реплика-реакция). Было проанализировано 28 ответных фрагментов диалогических единств (141832 печатных символа) В. В. Путина и 23 ответных фрагмента диалогических единств (98077 печатных символов) Б. Обамы.

Анализ материала показал, что одним из возможных способов вербальной реакции на критику и является КС как показатель противостояния, обусловленного столкновением интересов представителей разных социальных ролей.

В диссертационном исследовании Е. Э. Яренчук КС рассматривается в рамках когнитивного подхода и определяется как тип имплицитного конфликта между собеседниками [8]. По мнению исследователя, причинами возникновения КС могут являться внешние и внутренние факторы. К внешним факторам, по мнению Е. С. Яренчук, относится нарушение коммуникативных норм и правил поведения, выделенные автором внутренние факторы можно свести в единый спектр эмоционально-ценностных установок личности говорящего [8: 9].

В исследовании К. Ф. Седова КС упоминается как негативная черта «конфликтно-агрессивной языковой личности» [9: 22]. Приводимый ученым пример коммуникативного саботажа (ответ вопросом на вопрос) иллюстрирует лишь один из возможных способов его актуализации в речи.

В приведенной ниже таблице представлены результаты нашего сопоставления категорий постулатов принципа кооперации Г. П. Грайса (1985) с внутрижанровыми тактиками и языковым воплощением КС, изложенными в исследовании В. Ю. Андреевой (2009).

Приведенная таблица позволяет представить целостную картину явления коммуникативного саботажа и оценить его с позиции нарушения традиционных норм успешной коммуникации. Как видим из таблицы, жанр коммуникативного саботажа не предполагает нарушения постулатов категории способа (максима манеры). Следовательно, в рамках КС говорящий соблюдает ясность в выражении мыслей, не нарушая принципа кооперации, что вполне логично и оправданно, так как запутанность и неоднозначность в речи противоречит и основному принципу КС, т. е. имплицитности. Неразборчивая, сбивчивая речь спровоцирует повышенное внимание собеседника, в такой ситуации уход от ответа и смена темы не останутся незамеченными и будут оцениваться как коммуникативная неудача говорящего. Следовательно, как мы считаем, коммуникативный саботаж не предполагает нарушения постулатов категории способа, поэтому данная категория в рамках данной статьи при анализе материала нами не учитывалась.

В нашем материале КС, как один из способов вербальной реакции на критику, является показателем противостояния, обусловленного столкновением интересов представителей разных социальных ролей. И в этом отношении мы солидарны с мнением О. С. Иссерс в том, что для политического дискурса характерно нарушение принципа кооперации [10: 67–70]. Формат публичного диалога с президентом предполагает участников общения во многом с противоположными коммуникативными задачами. Задача представителя СМИ – получение как можно большего количества информации по сложным, часто провокационным вопросам. Задача президента продиктована его профессиональным статусом, что имеет следствием необходимость вуалирования некоторой информации и уклонения от ответа. Приём уклонения является типичным для ситуаций, когда информация, необходимая для ответа на вопрос, недоступна или доступна, но не подлежит разглашению при текущих обстоятельствах [11: 212; 12: 264–269]. Предполагаем, что нарушение принципа кооперации является необходимым условием для достижения коммуникативных задач главы государства.

Рассмотрим вербальные реакции президентов России и США на неудобные вопросы, заданные во время ежегодных пресс-конференций, с позиции внутрижанровых тактик КС. Мы выбрали именно этот вид публичного выступления, так как в нем находят отражение основные общественно-политические события, произошедшие в стране за год, подводятся итоги и дается оценка деятельности

президента и правительства, в этой оценке, безусловно, нередко звучит и критика.

Одним из наиболее часто нарушаемых постулатов в речи В. В. Путина и Б. Обамы является постулат категории количества «Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется» [2: 222], однако мы не обнаружили отчетливого соотношения его нарушения во внутрижанровых тактиках КС. Думается, что нарушение данного постулата коррелирует с таким типом саботажа, как «навязывание коммуниканту своего мнения об обсуждаемой ситуации», представленным в классификации Т. М. Николаевой.

Количественные подсчеты показывают, что ответные реплики президентов значительно превышают по объему иницирующие реплики журналистов. В некоторых диалогических единствах (ДЕ) это соотношение достигает 1 : 14. Например, в рамках одного диалогического единства из пресс-конференции с В. В. Путиным объем иницирующей реплики равен 732 символам, а реагирующей – 4050 (соотношение 1 : 6). В диалогическом единстве из пресс-конференции с Б. Обамой иницирующая реплика равна 301 символу, реагирующая – 4173 (соотношение 1 : 14). С нашей точки зрения, подобная информационная избыточность объясняется тем, что главы государств используют диалогические жанры интервью как платформу для реализации стратегии удержания власти. Как следствие, в их речи находят отражение различные способы оказания воздействия на аудиторию, обладающие определенной протяженностью во времени.

Вернемся к таблице и проанализируем пример, который иллюстрирует нарушение

постулата количества (внутрижанровая тактика «отказ от продолжения коммуникации»). Приводимый ниже пример отнесен нами к иллюстрации нарушения постулата категории количества «Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется», потому что Б. Обама, ответив на вопрос журналиста по существу, эмоциональную часть вопроса про сожаления оставил без ответа и прервал разговор. Наша задача состоит в демонстрации повтора вопроса в репликах-стимулах, поэтому считаем целесообразным привести в качестве примера только часть ДЕ.

Journalist: You put it on your back. And so my question is do you have any personal regrets? You're not addressing the fact the public statements you've made to reassure the public – your Director of National Intelligence, James Clapper, months ago went up, got a question from a Democrat, not a Republican, about whether some of this was going on, and he denied it. Doesn't that undermine the public trust?(Вы взяли на себя ответственность. Итак, мой вопрос: есть ли у вас личные сожаления? Вы ничего не говорите о публичных заявлениях, которые вы сделали, чтобы успокоить публику. Несколько месяцев назад во время выступления вашего директора Национальной разведки Джеймса Клеппера ему был задан вопрос от демократа, а не республиканца, о том, происходит ли что-то подобное, и он отрицал это. Разве это не подрывает общественное доверие?)

B. Obama: <...> And that's exactly what we should be doing, is to evaluate all these things in a very clear, specific way, and moving forward on changes. And that's what I intend to do (И это именно то, чем мы должны заниматься –

Внутрижанровые тактики КС сквозь призму принципа кооперации

Intragenre tactics of communicative sabotage through the prism of the Cooperative Principle

Постулаты принципа кооперации	Тактики КС	Языковое воплощение тактик КС
Количество	Отказ от продолжения коммуникации	Лексические средства с семантикой прерывания разговора (например, фраза <i>Без комментариев</i>)
Качество	Уклонение от ответа	Переспрос (ответ вопросом на вопрос); ссылка на другое лицо; риторический вопрос
Отношение	Смена темы	На синтаксическом уровне – вопросительные и восклицательные предложения. На лексическом – разговорная, бранная лексика
Способ	–	–

четко и ясно оценить ситуацию и двигаться в направлении изменений. **И это именно то, что я намерен делать).**

Journalist: So you have no regrets? You have no regrets? (Значит, вы ни о чем не жалеете? Вы ни о чем не жалеете?).

B. Obama: That's what I intend to do (Это именно то, что я намерен делать) (Final Press Conference of 2013, 20.12.2013).

В ответном фрагменте диалогического единства в речи американского президента отказ от продолжения коммуникации проявляется в игнорировании вопроса. До этого момента между собеседниками произошел обмен репликами, и тема общения развивалась в направлении, не выгодном для главы государства. Имплицированный отказ от ответа усиливается в данном фрагменте с помощью повтора фразы, произнесенной президентом перед вопросом (*That's what I intend to do*). Некооперативность проявляется здесь и в нарушении постулата качества, что приводит к созданию коммуникативной имплицатуры. Используя логику размышлений Г. П. Грайса, можно сделать вывод, что говорящий вкладывает в высказывание иной смысл, отличающийся от того, который можно передать конвенциональными средствами, и имплицитует его с помощью несоблюдения постулата [2: 222].

Следующий фрагмент диалогического единства из речи Б. Обамы является примером коммуникативного саботажа, который соотносится с нарушением постулатов качества и отношения. Темой обсуждения в данном фрагменте является произошедший в 2013 году случай разглашения разведывательной деятельности спецслужб США и связанные с этим обвинения в недостаточной открытости президента по отношению к гражданам страны.

Journalist: <...> Were you wrong then because you were not fully read in not just on these programs but on other programs outside of the ones you just talked about, where we were potentially listening in on the German leaders, the Brazilian leaders and others, that suggest there were abuses. Number one. And number two, if you were fully read in on these programs, is it another example of what Julie was getting at with this question of credibility with the American people, that just like on health care, "you like your plan, you can keep it"? On surveillance, you looked the American people in the eye six months ago and said, "We've got the right balance," and six months later you're saying maybe not. (Вы ошиблись тогда, потому что не полностью ознакомились с содержанием не только этих программ, но и других,

о которых Вы сейчас не упоминали, где мы возможно прослушивали лидеров Германии, лидеров Бразилии и других, в которых говорится, что были нарушения? Это первый вопрос. И второй, если всё же Вы знали содержание этих программ, является ли это ещё одним примером того, о чем только что говорила Джули в вопросе о доверии американского народа, как в здравоохранении, «если вам нравится ваш план (медицинского страхования. – Т. Б.), вы можете сохранить его». По поводу слежки, полгода назад Вы, глядя в глаза американцам, сказали: «Мы соблюдаем разумный баланс», а полгода спустя говорите, что может и нет»).

B. Obama: Well, hold on a second, Ed. I think it's important to note that when it comes to the right balance on surveillance, these are a series of judgment calls that we're making every single day, because we've got a whole bunch of folks whose job it is to make sure that the American people are protected. And that's a hard job, because if something slips, then the question that's coming from you the next day at a press conference is, "Mr. President, why didn't you catch that? Why did the intelligence people allow that to slip? Isn't there a way that we could have found out that in fact this terrorist attack took place?" (Так, подожди-ка, Эд. Думаю, когда речь заходит о разумном балансе в слежке, важно отметить, что мы каждый день принимаем ряд решений по этому поводу, потому что есть множество людей, чья работа заключается в обеспечении безопасности американских граждан. Это тяжелый труд, потому что если что-нибудь вдруг пропустят, на следующий же день на пресс-конференции вы спросите меня: «Господин Президент, почему вы это не отследили? Почему люди из разведки пропустили это? Неужели не было способа определить, что произойдет террористическая атака?») (Final Press Conference of 2013, 20.12.2013).

На основании рассматриваемого примера можно заключить, что у Б. Обамы коммуникативный саботаж проявляется в виде уклонения от ответа (нарушение постулата качества). Несмотря на то что вопрос журналиста содержит косвенное обвинение во лжи (*On surveillance, you looked the American people in the eye six months ago and said, "We've got the right balance," and six months later you're saying maybe not*) и потере доверия со стороны граждан страны (*And number two, if you were fully read in on these programs, is it another example of what Julie was getting at with this question of credibility with the American people, that just like on health care, "you like your plan, you can keep it"*), президент создает положительный эмоциональный фон, акцентируя внимание адресата

на мысли, что действия спецслужб оправданы и главным приоритетом является *обеспечение безопасности американских граждан*.

Ярким средством воздействия на аудиторию в рассматриваемом примере является коммуникативный прием чужой речи. Обама продуцирует прямую, вымышленную речь, моделируя тем самым в сознании адресата возможную коммуникативную ситуацию (<...> *the question that's coming from you the next day at a press conference is, "Mr. President, why didn't you catch that? Why did the intelligence people allow that to slip? Isn't there a way that we could have found out that in fact this terrorist attack took place?"*). Если в художественном тексте вымышленная прямая речь используется как стилистическое средство для придания образности и эмоциональности, то в деловой риторике она служит для реализации прагматических задач коммуникации. Как отмечает И. С. Попова, «прямая речь в лишь исключительно редких случаях является имитацией чужой речи, а в большинстве своих проявлений связана с реализацией определенных интенций коммуникантов» [13:67]. В президентском дискурсе вымышленная прямая речь позволяет достичь большей убедительности и является инструментом манипуляции массовым адресатом.

Речевые формы проявления коммуникативного саботажа могут различаться у президентов по степени полемичности. Так, в ответных репликах российского президента В. В. Путина уклонение от ответа реализуется в более экспрессивной, категоричной манере:

Журналист: <...> И о Фонде национально-благосостояния. Какова будет его роль в случае затяжных негативных явлений, если такие, конечно, будут? Сейчас его решено было вскрыть и инвестировать в долгосрочные инфраструктурные проекты, и с учётом Украины тоже, конечно, в ценные бумаги.

В. Путин: Что с учётом Украины?

Журналист: Что было решено потратить деньги на ценные бумаги.

В. Путин: Неправильно.

Журналист: Вложить (почти одновременно с В. Путиным. – Т. Б.).

В. Путин: Не потратить, а разместить.

Журналист: Разместить (Пресс-конференция В. Путина, 19.12.2013 г.)

Приведенный пример представляет собой яркую иллюстрацию саботажа, который проявляется в двух формах: в виде переспроса, «вопросом на вопрос» (*Что с учётом Украины?*) и ответной критики (*Неправильно*). В. Путин в диалоге берет на себя роль наставника, указывая оппоненту на неудачный выбор слова (*потратить*). Можно предположить,

что в представлении президента выражение *потратить деньги* имеет отрицательную коннотацию и создает у массового адресата негативный образ государства. Подтверждение находим в Словаре сочетаемости слов русского языка под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. Согласно данному словарю, лексема *тратить* сочетается с такими адвербиальными лексемами как «*расчетливо, щедро, бездумно, зря (разг.), напрасно, впустую (разг.), попусту (разг.)*» [14: 597]. Вместо выражения *потратить деньги* В. В. Путин предлагает использовать *разместить деньги*, что позволяет снизить отрицательный эффект, вызванный вопросом журналиста, и уже в вопросе смягчить критический пафос.

Важно отметить, что представитель СМИ соглашается с возражением президента, что является в данной ситуации единственно верным коммуникативным решением. Хотя вначале журналист пытается исправить себя и предлагает синоним (*вложить*), а затем уже принимает предложенный президентом вариант и повторяет его (*разместить*).

Следуя разработанным О. С. Иссерс моделям имиджа политика, можно сказать, что в приведенном примере В. В. Путин реализует доминанту *Хозяин* или *Сильная рука* [15: 72]. Статус лидера страны обуславливает главенствующую роль в диалоге, что позволяет президенту влиять на сам подбор слов в вопросе и смещать внимание адресата на менее опасные образы (не *потратить*, а *разместить деньги*).

Нарушение постулата релевантности категории отношения, например в речи В. В. Путина, проявляется в уклонении от прямого ответа на неудобный вопрос и построении ответного высказывания вокруг тем, положительно воспринимаемых аудиторией. В данном случае мы можем наблюдать проявление нескольких тактик КС. Рассмотрим это на примере следующего фрагмента пресс-конференции:

Журналист: <...>И при этом когда, например, мы – журналисты – делаем какие-то расследования или выдвигаются общественные обвинения, как против генпрокурора Чайки и его окружения, власть, вместо того чтобы на самом деле разобраться, провести расследование, начинает или кричать про заказ страшного Госдепа, страшного Обамы, или начинает, наоборот, проверять, как прокуратура пришла на телеканал «Дождь», который помогал в расследовании. Если дальнбойщики, например, тоже выходят на акции протеста, то их обвиняют, что это некий заказ и так далее, вместо того чтобы с ними поговорить. Владимир Владимирович, вопрос простой. Когда

Вы приходили в 2000 году к власти, Вы таких итогов ожидали? И, может быть, что-то стоит поправить, может быть, ещё не поздно? Спасибо.

В. В. Путин: По поводу итогов. Думаю, что если мы хотим быть объективными, мы должны признать, что итоги не только в этом. Итоги прежде всего в значительном увеличении доходов населения, в укреплении экономики, которая почти в два раза выросла. Объём нашего ВВП вырос почти в два раза – вот в чём итоги. Укрепление обороноспособности страны, возможностей Вооружённых Сил – вот в чём итоги. Борьба с терроризмом, проявления которого мы ещё не до конца поборол, но хребет точно переломили, – вот в чём итоги <...> (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 17.12.2015).

В рассматриваемом фрагменте иницирующая реплика журналиста содержит критику, которая проявляется в обвинительном высказывании (*власть, вместо того чтобы на самом деле разобраться, провести расследование, начинает или кричать про заказ страшного Госдепа, страшного Обамы<...>*). Желание журналиста подчеркнуть необоснованное, по его мнению, поведение власти обуславливает выбор нарочито упрощенной, разговорной лексики (*кричать про заказ страшного Госдепа, страшного Обамы*), а манипулятивный эффект усиливается с помощью синтаксического параллелизма (*вместо того, чтобы на самом деле разобраться; вместо того чтобы с ними поговорить*). Заключительные фразы высказывания журналиста содержат завуалированный упрек (*Когда Вы приходили в 2000 году к власти, Вы таких итогов ожидали?*). Истинным намерением представителя СМИ является, вероятно, передать мысль, что вместо благ, обещанных президентом в начале его президентского срока, в стране царит чиновничий беспредел и безнаказанность.

Ответная реакция В. В. Путина строится на нарушении принципа релевантности. При этом у адресата не возникает ощущения отклонения от темы, так как в своем ответе президент продолжает говорить об итогах, однако вместо тактики разъяснения и оправдания президент использует тактику актуализации положительной информации, перенаправляя тему итогов в иное русло и указывая на положительные результаты развития России (*увеличение доходов населения, укрепление экономики, укрепление обороноспособности страны и т. д.*). Позитивный эффект от сказанного достигается в речи президента посредством повтора (*Объём нашего ВВП вырос почти в два раза – вот в чём итоги. Укрепление обороноспособ-*

ности страны, возможностей Вооружённых Сил – вот в чём итоги. Борьба с терроризмом, проявления которого мы ещё не до конца поборол, но хребет точно переломили, – вот в чём итоги). Три последовательно идущих друг за другом предложения В. В. Путин завершает акцентирующей фразой *вот в чем итоги*.

Нарушение постулата релевантности можем наблюдать и в более ранних публичных выступлениях президента.

Рассмотрим фрагмент диалогического единства из пресс-конференции 2007 г.:

Журналист: <...> И одно уточнение, связанное со строительством нефтепровода. Я понял, что Вы до конца Вашего срока не собираетесь уходить, но... (Оживление в зале.) Нет, вы поймете, вы поймете. Но я прочитал такое резкое мнение, что Вы сидите на чемоданах и собираетесь убежать. Это мнение, по-моему, шахматиста Каспарова. Так ли? Будет ли этот нефтепровод построен при Вашем присутствии в России или нет?

В. В. Путин: Я занимался в свое время борьбой дзюдо, а не легкой атлетикой, бежать никуда не собираюсь. (Смех.) (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 01.02.2007).

В ответном фрагменте диалогического единства В. В. Путин уклоняется от обсуждения темы преждевременного ухода с поста президента, обращая сказанное в шутку. Несоблюдение постулата релевантности осуществляется за счет намеренной подмены семантического наполнения глагола *убежать*. В речи журналиста данная лексема употребляется в значении «покинуть кого-, что-л., незаметно, тайком; сбежать» [16: 1362], В. В. Путин использует глагол *бежать* в значении «быстро продвигаться вперед в определенном направлении, попеременно отталкиваясь ногами от земли» [15: 64] для построения высказывания, комический эффект которого достигается посредством неожиданной и кардинальной смены темы разговора (*Я занимался в свое время борьбой дзюдо, а не легкой атлетикой, бежать никуда не собираюсь*). Таким образом президент пытается создать впечатление несостоятельности критики и нивелировать негативный эффект от неё. По мнению В. Ю. Андреевой, для институциональных типов дискурса в целом характерна манипулятивная роль говорящего, в речи которого реализуется намерение «незаметно для собеседника изменить ход диалога, повлиять на направление беседы» [17: 13].

Анализируемые речевые действия президента указывают на такую внутрижанровую

тактику КС, как смена темы, что коррелирует с нарушением постулата релевантности. В начале статьи мы упоминали, что Г. П. Грайс предвидел затруднения в аргументации смещения акцента релевантности в процессе коммуникации. Думается, подобная неоднозначность вызвана разной степенью допущения отклонений от основной темы в разных типах и жанрах дискурса. Так, невозможно представить полное отсутствие взаимосвязи между вопросом представителя СМИ и ответом президента, так как это противоречило бы статусу элитарной языковой личности (в терминологии О. Б. Сиротининой). Отклонение от темы в президентском дискурсе смягчается, например, посредством вспомогательных языковых средств. В рассматриваемом фрагменте смещение смыслового акцента достигается с помощью метонимического переноса с темы бегства от ответственности (*Вы сидите на чемоданах и собираетесь убежать*) в тему спортивных увлечений (*Я занимался в свое время борьбой дзюдо, а не легкой атлетикой, бежать никуда не собираюсь*), что создает комический эффект и вызывает смех в аудитории. Роль шутки в данном случае заключается в сглаживании конфликтной ситуации, порождаемой отрицательными оценочными высказываниями. В этой связи представляется возможным считать языковую игру (например, на основе метонимии), язы-

ковым воплощением поджанра КС «смена темы».

По нашему мнению, анализируемые выше речевые действия президента относятся к типу психологической амортизации, когда говорящий намеренно смещает смысловой акцент высказывания в сторону тем, положительно воспринимаемых аудиторией. Эти действия направлены на сглаживание конфликтной ситуации, порождаемой отрицательными оценочными высказываниями.

Подводя итог размышлениям о коммуникативном саботаже как одном из способов реагирования на критику в речи глав государств, считаем возможным отнести КС к агональным жанрам. Вслед за Е. И. Шейгал под агональностью мы понимаем базовую функцию политического дискурса, которая сочетается в себе два аспекта проявления – борьбу за сохранение своего статуса и борьбу против политического противника [18: 393]. Агональность КС проявляется в том, что его «триггером» становится конфликтная ситуация, вследствие которой говорящий направляет речевые усилия на противодействие собеседнику. Отступление от эталонных норм межличностного общения отражает специфику президентского дискурса, которая заключается, например, в необходимости уклонения от неудобных тем и вуалирования информации в рамках публичного общения с представителями СМИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Grice H. P. Logics and conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts / eds. P. Cole and J. L. Morgan. N. Y.: Academic Press, 1975. P. 41–58.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 217–238.
3. Николаева Т. М. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / отв. редактор Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. 280 с.
4. Андреева В. Ю. Речевой жанр коммуникативного саботажа // Вестн. Том. гос. ун-та Сер. Филология. 2009. № 2. С. 30–32.
5. Михальская А. К. Основы риторики. Мысль и слово. М.: Просвещение, 1996. 460 с.
6. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 356–367.
7. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
8. Яренчук Е. Э. Коммуникативный саботаж в интерактивно-аналитическом дискурсе (на материале шоу): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2013. 19 с.
9. Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи: сб. науч.

ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 13–26.

10. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
11. Chilton P., Schaffner C. Discourse and politics // Discourse as social interaction. Discourse studies: Multidisciplinary introduction / ed. T. A. van Dijk. Sage Publications, 1997. P. 206–230.
12. Clayman S., Heritage J. The news interview: journalists and public figures on the air. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 375 p.
13. Понова И. С. Прямая речь и цитирование как способы передачи чужого слова в устнопорождаемой речи // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. Сер. Филология. 2009. № 3. С. 65–69.
14. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1983. 686 с.
15. Иссерс О. С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // Вестн. Омск. ун-та. 1996. Вып. 1. С. 71–74.
16. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
17. Андреева В. Ю. Стратегии и тактики коммуникативного саботажа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2009. 22 с.
18. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.

REFERENCES

1. Grice H. P. Logics and conversation. In: P. Cole and J. L. Morgan, eds. *Syntax and Semantics*, vol. 3, Speech Acts. New York, Academic Press, 1975, pp. 41–58.
2. Grice H. P. Logic and Conversation. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, 1985, iss. 16, pp. 217–237 (in Russian).
3. Nikolaeva T. N. About “non-cooperative” principle and/or categories of sociolinguistic influence. In: *Logicheskii analiz iazyka. Protivorechivost' i anomal'nost' teksta, otv. red. N. D. Arutyunova* [N. D. Arutyunova, ed. Logical analysis of language ; inconsistency and anomalous text]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 225–235 (in Russian).
4. Andreeva V. Iu. The speech genre of communicative sabotage. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2009, no. 2, pp. 30–32 (in Russian).
5. Mikhal'skaya A. K. *Osnovy ritoriki. Mysl' i slovo* [Basics of rhetoric. The thought and word]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1996. 460 p. (in Russian).
6. Arutyunova N. D. Addressee factor. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i iazyka*, 1981, vol. 40, no. 4, pp. 356–367 (in Russian).
7. Dementyev V. V. *Nepriamaia kommunikatsiia* [Indirect communication]. Moscow, Gnosis Publ., 2006. 376 p. (in Russian).
8. Iarenchuk E. E. *Kommunikativnyi sabotazh v interaktivno-analiticheskom diskurse (na materiale shou)* [Communicative sabotage in interactive analytical discourse (based on the show material)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kursk, 2013. 19 p. (in Russian).
9. Sedov K. F. On the genre nature of the discursive thinking of the language personality. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. sci. art]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh” Publ., 1999, iss. 2, pp. 13–26 (in Russian).
10. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics in the Russian speech. 5th ed.]. Moscow, LKI Publ., 2008. 288 p. (in Russian).
11. Chilton P., Schaffner C. Discourse and politics. In: T. A. van Dijk, ed. *Discourse as social interaction. Discourse studies: Multidisciplinary introduction*. Sage Publications, 1997, pp. 206–230.
12. Clayman S., Heritage J. *The news interview: journalists and public figures on the air*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 375 p.
13. Popova I. S. Direct speech and citation as ways of transmitting someone else's word in speech. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, ser. Filologiya*, 2009, no. 3, pp. 65–69 (in Russian).
14. *Slovar' sochetaemosti slov russkogo iazyka, pod red. P. N. Denisova, V. V. Morkovkina* [P. N. Denisov, V. V. Morkovkin, eds. Dictionary of Russian word combinations. 2nd ed.]. Moscow, Russkii yazuk Publ., 1983. 686 p. (in Russian).
15. Issers O. S. What politicians say to please their people. *Vestnik Omskogo universiteta*, 1996, iss. 1, pp. 71–74 (in Russian).
16. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka, pod red. S. A. Kuznetsov* [S. A. Kuznetsov, ed. Big explanatory dictionary of Russian language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. (in Russian).
17. Andreeva V. Iu. *Strategii i taktiki kommunikativnogo sabotazha* [Strategies and tactics of communicative sabotage]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kursk, 2009. 22 p. (in Russian).
18. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2000. 431 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.03.2020 / После рецензирования 18.05.2020 / Принята 25.06.2020

Received 10.03.2020 / Revised 18.05.2020 / Accepted 25.06.2020